

Библиография

Татьяна Венедиктова

Европейские сливки с американской культурной критики

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_368

Culture²: Theorizing Theory for the Twenty-first Century. Vol. 1 /
Ed. by F. Kelleter, A. Starre.

Bielefeld: transcript, 2022. — 266 p. — (American Culture Studies, Vol. 34).

Каково это — писать о кризисе, масштабность которого ставит под вопрос самую возможность критического письма?

Франк Келлетер (с. 159)

«Культура в квадрате» — не излишество ли? Зачем возводить в степень понятие и без того многозначное, к тому же используемое «и в хвост и в гриву» для описания почти чего угодно — от «культуры отмены» до культуры винопития? Затем, по-видимому, чтобы подчеркнуть усугубленную рефлексивность подхода. Амбициозное усилие «теоретизировать теорию» культуры принимает вид дайджеста из книг, пропущенных через двойное сито. Все они опубликованы в США за последние два десятилетия, отмечены вниманием ученой публики, высокой цитируемостью, иными и научными премиями¹. На основе коллективно-анонимного отбора каждый

1 Из четырнадцати книг, которые ниже перечислены в порядке их публикации, только одна, первая, представляет собой перевод (и рассматривается именно как перевод в контексте американской рецепции): *Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism / Transl. by G. Elliott. L.; N.Y.: Verso, 2007; Warhol R.R. Having a Good Cry: Effeminate Feelings and Pop-culture Forms. Columbus: The Ohio University Press, 2003; McGurl M. The Program Era: Postwar Fiction and the Rise of Creative Writing. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 2009; Tomasello M. Why We Cooperate. Cambridge, Mass.; L.: The MIT Press, 2009; Berlant L. Cruel Optimism. Durham; L.: Duke University Press, 2011; Hemmings C. Why Stories Matter: The Political Grammar of Feminist Theory. Durham; L.: Duke University Press, 2011; Harney S., Moten F. The Under-*

из участников сборника осуществил еще личный выбор, и их, выборов, совокупность обнаруживает общность если не позиции, то вектора, тяготения мысли.

Работы американских культурологов перепрочитаны европейскими американистами, преподающими American studies² в университетах Германии, Швейцарии, Нидерландов и самих США. Из осознаваемо двойственной, трансатлантической перспективы они довольно дружно оценивают переживаемый момент как кризисный, проводящий черту между прошлым и будущим: «Что ожидает нас по другую сторону водораздела, не предскажет никакая теория, хотя это новое состояние, каким бы оно ни оказалось, тоже, конечно, будет опознаваться как культура» (с. 16). Ощущение водораздела одни связывают с ковидной пандемией, другие — с нездоровой поляризацией социума, третьи — с кризисом неолиберализма или капитализма в целом

или с еще иными источниками напряжения (список таковых к концу 2022 г., увы, сильно расширился). Издание обозначено как первый том — исключительно затем, поясняют составители, чтобы подчеркнуть его экспериментальный характер. Вопрос о том, состоится ли второй, нарочно оставлен открытым.

Итак, участникам проекта хотелось произвести нечто большее, чем компендиум из рецензионных отзывов или реферативный сборник, и во многом эта попытка диалога через океан состоялась. Манера, в которой диалог ведется, специфична для cultural studies (чем покоряет и раздражает одновременно): это разговор сразу почти обо всем. Названия тематических разделов уклончиво-неопределенны: «Люди и иные живые существа», «Междисциплинарные заботы», «Переописания Америки» и т.п. Общее проблемное ядро тем не менее просматривается — прежде всего на методологическом уровне — как интерес к *материальному, чувственно-эмоциональному, аффективному компоненту познания, общения и социальных связей*. С учетом этой доминанты я позволю себе рассмотреть содержание книги, ориентируясь не на порядок статей в оглавлении, а на оттенки аффективного окраса: от светлого к темному или от «просто» оптимизма к «жесточному оптимизму» (так называется исследование Л. Берлант, обсуждаемое в сборнике с особым пристрастием и почтением³). Скепτικο-иронические тона явно преобладают и в на-

commons: Fugitive Planning & Black Study. Wivenhoe; N.Y.; Port Watson: Minor Compositions, 2013; *Felski R.* The Limits of Critique. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2015; *Levine C.* Forms: Whole, Rhythm, Hierarchy, Network. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2015; *Peters J.D.* The Marvelous Clouds: Toward a Philosophy of Elemental Media. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2015; *Tsing A.L.* The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2015; *Alworth D.J.* Site Reading: Fiction, Art, Social Form. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2016; *Desmond M.* Evicted: Poverty and Profit in the American City. N.Y.: Broadway Books, 2016; *Hochschild A.R.* Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right. N.Y.; L.: The New Press, 2016. При цитировании этих книг ниже указываются имя автора и номер страницы, при цитировании рецензируемого сборника — только номер страницы.

- 2 В европейской американистике, как и в российской, лидирующие позиции занимают историки и филологи, но в педагогике и в научной продукции там выше удельный вес междисциплинарной работы, каковая и культивируется в рамках American studies.
- 3 Лорен Берлант умерла в июне 2021 г., и свой коллективный труд европейские американисты решили посвятить ее памяти.

блюдаемом культурном ландшафте, и в суждениях о нем наблюдателей, но мы начнем с энтузиастов, пусть немногочисленных.

Книга антрополога Майкла Томаселло «Почему мы сотрудничаем» (представляющая собой сокращенный вариант лекций, прочитанных в Стенфорде в 2008 г.) вдохновила *Филлипа Лёфлера* (Гейдельбергский университет) на размышление о потенциале междисциплинарности. Томаселло доказывает, что человек биогенетически склонен к кооперативному поведению, к формированию богатой контактами когнитивной среды. Способность к совместному направлению внимания, умение формировать общность намерений, готовность помогать другому обнаруживаются на самой ранней фазе формирования личности, задолго до овладения языком, — уже потом они закрепляются сложной системой кодов, норм, конвенций. Для эффективного сотрудничества общность языковой и концептуальной базы имеет большое, но не решающее значение, а вот без соразделенной интенциональности (*shared intentionality*), без взаимодоверия, общего интереса и общего любопытства не обойтись никак. Это верно и в отношении малышей, копающихся в песочнице, и в отношении серьезных ученых, делающих первые шаги в новой области знания (они бывают так же неловки, как шаги ребенка). Междисциплинарность — естественный способ познавательного поведения на переднем крае науки, но предписывать ее нельзя, планировать трудно, и заведомых преимуществ по сравнению с традиционными исследованиями она не дает.

Тем интереснее вникнуть в секрет успешной междисциплинарной работы на примере «Изумительных облаков» (2015) Джона Дарема Питерса. Написана эта книга на зависть ярко и решительно — буквально с первых фраз: «Час философии медиа настал. А философия медиа невозможна без философии природы» (Peters, с. 1). Далее медиа трактуются с широкой почти обескураживающей, — по сути, приравниваются к стихиям и средам, как вода, огонь, воздух и т.п. Какое, спрашивается, отношение к медийности имеют облака? Они же ничего не значат, не передают никаких сообщений⁴. Однако, настаивает Питерс, они бесспорно несут информацию о возможности действий и взаимодействий, просто люди еще не научились ее считать. По мере того как окружающая нас природа пронизывается технологиями, множатся ансамбли природы и культуры, и все новые явления осознаются нами в их медийной, посредующей природе. При этом старые медиа не умирают, не вытесняются новыми, а превращаются в их значимый фон. Историю и теорию медиа нельзя поэтому представить иначе как трансдисциплину, соединяющую в себе потенциал естественных наук, эстетики, философии и даже теологии. Представляя этот отважный проект Питерса, *Сара Вассерман* (Университет штата Делавер) сама приходит к неожиданному выводу: усыхание, сжатие гуманитарного поля, на что привычно жалуются его представители, может послужить зарождению в нем новых инсайтов — хотя бы по той причине, что с близким соседом легче взаимодействовать, обмениваться гипотезами, затевать новые проекты и т.п.

Дэвид Олуорт в книге «Чтение по месту» (2015)⁵ тоже упражняется в междисциплинарном синтезе, правда менее масштабном: его интересует «такая социология литературы, которая открыла бы социологию *внутри* литературы» (Alworth, с. 21).

-
- 4 Ср. у Шекспира: «Гамлет: Вы видите вон то облако, почти что вроде верблюда? Полоний: Ей-богу, оно, действительно, похоже на верблюда. Гамлет: По-моему, оно похоже на ласочку. Полоний: У него спина, как у ласочки. Гамлет: Или как у кита? Полоний: Совсем как у кита» (*Шекспир В.* Трагедия о Гамлете, принце Датском / Пер. с англ. М.Л. Лозинского // Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М.; Л.: Academia, 1936. С. 97).
- 5 См. рец.: *Венедиктова Т.* Читая «по месту» // Новое литературное обозрение. 2017. № 148. С. 327–332.

Роман служит познанию социальной жизни не только потому, что она в нем отображается. Социальность, понятая по Латуру, — как акт и факт установления связи, асамбляжа, сетевого соединения, — реализуется в самой ткани текста. Литературная форма, с этой точки зрения, есть процесс установления отношений, вид соучастного действия. «Места», упоминаемые в названии книги, не синонимы «пространств», а именно сети и узлы отношений между актантами (в том расширенном смысле, который придает этому слову Латур). Лора Бигер (Гронингенский университет) усматривает в подходе Олуорта симптом практического, или праксеологического, поворота⁶, происходящего сейчас в культурной теории, и сетует на то, что понятие практики в книге «не становится центральным», хотя «могло бы и даже должно бы стать таковым» (с. 85). Это открыло бы, в частности, возможность думать о «литературе как о мощном медиаторе социального» (с. 86), для чего требуются, конечно, новая методология, новый способ внимания к чтению и письму. Их и нужно искать: в мире, где начинают доминировать распад и распря, заключает Бигер, все формы рефлексивной работы с социальностью приобретают тем большую ценность.

Шагом в обозначенном направлении служит влиятельная книга Кэролайн Левин «Формы» (2015). В ней предлагается предельно широкое понимание формы без выделения эстетических форм в особую категорию. Формой Левин предлагает называть конфигурацию по сути любых элементов, определяемую функцией, способностью обеспечивать символическое разрешение противоречий. Различаются формы пространственные, временные, иерархические и горизонтально-коннективные (типа сети). При этом формы литературные сосуществуют с социальными, а не только отображают их: те и другие «одинаково реальны в своей способности организовывать материал и одинаково нереальны в своей искусственности» (с. 41). Улла Хазельштайн (Свободный университет Берлина) анализирует попытки Левин балансировать между наследием формализма и наследием нового историзма и на этой почве сближает ее позицию с позицией Риты Фелски, «знаменосицы» так называемого посткритического тренда.

В американском академическом мейнстриме он обозначился недавно и сразу вызвал споры, не утихающие до сих пор. Выбрав для анализа книгу Фелски «Пределы критики» (2015), Джесси Рамirez (Университет св. Галлена) уже в названии статьи использует иронию, пародийно переворачивая патриотический лозунг трампистов: «Сделаем диалектику снова великой». Ироничность тона свидетельствует обычно о двойственности позиции, и действительно: в чем-то с посткритиками нельзя не согласиться. Культурологическим трудам, производившимся в США на протяжении последних десятилетий, присущ дежурно разоблачительный пафос, который стал вызывать усталость своей предсказуемостью, тем более что объекты разоблачительной критики все так и остались на местах. Сокрушить капитализм, империализм или расизм критическое слово не сумело, и даже патриархат не сильно сдал позиции (см. об этом ниже в связи с книгой Клэр Хеммингс). Напоминая о том, что литературные тексты пишутся совсем не только для того, чтобы служить ареной праведной борьбы, что читатель открывает книгу, желая получить тонкое и глубокое удовольствие, посткритики опять же правы⁷. Но разве не карикатурно

6 The Practice Turn in Contemporary Theory / Ed. by T.R. Schatzki, K.K. Cetina, E. von Savigny. L.; N.Y.: Routledge, 2001; *Bertram G.W. Art as Human Practice: An Aesthetics* / Transl. by N. Ross. L.; N.Y.: Bloomsbury, 2019.

7 Две книги Фелски (2008 и 2020 гг.) рецензировались в НЛО. См.: *Зенкин С. Полезность словесности: (Заметки о теории, 24)* // Новое литературное обозрение. 2011. № 109. С. 313—322; *Венедиктова Т. Типология «привязанности» — обживание «посткритики»* // Новое литературное обозрение. 2022. № 174. С. 317—323.

само противостояние упертых разоблачителей, безжалостных к тексту, и всеядных, политически терпимых и к тому же тексту милосердных эстетов? Задавая этот вопрос, Рамирез ругает за диалектическую стратегию, которая предполагала бы равноудаленность от обличительности и безмятежного равнодушия. Эта стратегия, однако, трудна в реализации, и по мере того как мы в трудности вникаем, тени познавательного и социального пессимизма начинают сгущаться.

Собственно, об этом размышляет *Стефани Мюллер* (Франкфуртский университет им. Гёте) в статье «Бартлби в логике коннекционизма», посвященной книге Люка Болтански и Эв Кьяпелло «Новый дух капитализма» (1999, англ. пер. 2005, рус. пер. 2011⁸). Все, кто читал книгу, помнят главный инсайт французских социологов: капитализм как никакая другая экономическая система научился усиливаться критикой, превращать ее в средство самодвижения. Экономические механизмы действуют в связке с изменчивым «духом», все время трансформируясь, по-новому и по-разному мотивируя людей к участию в системе: нет такого обещания свободы, которое рано или поздно не обернулось бы способом получения прибыли. В 1960—1970-х гг. социальная критика капитализма в уступила место критике культурно-эстетической: озабоченность несправедливостью распределения общественных благ была вытеснена другого рода озабоченностью — недостатком творческой свободы, личной автономии, аутентичности. При этом выяснилось, что эти ценности уже заранее и очень успешно оприходованы капитализмом: креативность, самоореализация, коннективная (или отношенческая) логика с легкостью получают товарное воплощение. В США эта коварная особенность капитализма проявилась раньше, чем в Старом Свете, пишет Мюллер и в пример приводит писца Бартлби из одноименной новеллы американского классика Германа Мелвилла. Кажется, это первый представитель движения «Occupy Wall Street»: именно в уоллстритской конторе он обитал, упорно сопротивляясь рутине производительного труда, отказываясь жить неподлинной жизнью, а в итоге и жить вообще. Чем не прообраз современного гуманитария, которому в предлагаемых обстоятельствах остается весьма ограниченный выбор: «публичное безмолвие», «аристократический отход от мира», «индивидуальное сопротивление» в той или иной форме или «эсхатологическое ожидание внутреннего распада капитализма», а то и «обрушения самой современности»? Эти варианты, перечисляемые Болтански и Кьяпелло в конце книги (с. 556 русского издания), Мюллер сопровождает меланхолическим вздохом, — в точности как у Мелвилла: «Ах, Бартлби! Ах, человечество!»

Немой, немобильный, неадаптивный, несистемный Бартлби может быть увиден и в другом свете — как «человек из подполья», «вечный» или трансисторический культурный тип, непобедимый именно потому, что непрестанно терпит поражение. *Дастин Брайтенвишер* (Гамбургский университет) размышляет об этом над книгой Фреда Мотена и Стефано Харни «The Undercommons» (2013), заглавие которой можно условно перевести как «Подпольная общительность». Статья написана энергично, пристрастно, ярко, на что, конечно, провоцирует сама книга — манифест «эстетической социальности». На вопрос: «Что это такое?» авторы дают исключительно метафорический ответ: вид подполья, точнее, трюмного быта. Общину, возникавшую или способную возникнуть в трюме невольничьего корабля, объединяли бескомпромиссная свобода от принятых «на палубе» норм и практик, готовность к бунту и упование на то новое, что возникает стихийно и вопреки вероятности. Именно подполье, на взгляд Мотена и Харни, создает уникальные условия для развития знания, — в отличие от университетов, которые готовят профессио-

8 См.: Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

налов для разного рода общественно востребованных работ. В условиях сетевого капитализма «труд побуждает все более действовать без мысли, чувствовать без эмоций, двигаться без трения, приспосабливаться без вопросов, переводить без остановок, желать без цели, контактировать без перерывов» (Harney, Moten, с. 87). Подполье, напротив, делает ставку на сопротивление и «творческое страдание» (которое Мартин Лютер Кинг считал трансисторической характеристикой жизни черных в США). Но ставка ненадежна, ведь путь вверх открыт, а наверху ждет опять-таки комфорт кают эконом-класса — радости жизни, доступные исключительно в товарной форме.

А вот это уже центральная тема одной из нашумевших книг последнего десятилетия — «Эры программ» (2009) Марка Макгурла. В ней неожиданно, но очень ярко раскрывается парадоксальная связь между литературной жизнью и университетским образованием, творчеством и формами его институциональной поддержки (или приручения). Университет сегодня — часть корпоративной культуры, которая нисколько не напоминает старорежимный, скучно-серый («советский») монолит; напротив, ее характеризуют гибкая адаптивность и «изобретательная настроенность на производство разнообразия» (McGurl, с. X). Индивидуальность, оригинальность, креативность ценятся высоко и воспроизводятся с размахом. В этой логике Макгурл рассматривает историю восхождения к славе программ творческого письма. Эта относительно новая образовательная возможность возникла в системе университетского образования США в середине XX в. В 1975 г. таких программ на всю Америку было восемь, к 2001 г. — уже три сотни, а десять лет назад — свыше четырехсот (более свежие данные не приводятся). Так называемые писательские программы затмили популярностью другие виды литературного образования и стали предметом глобального экспорта — в англоязычный мир (Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия) и шире (Израиль, Мексика, Южная Корея, Филиппины). В чем же секрет впечатляющего успеха?

Макгурл отвечает на этот вопрос примерно так. Программы творческого письма создавались под знаменем свободы самовыражения, как антитеза кондовому конформизму. Их быстрое размножение не случайно пришлось на период бурной массовизации высшего образования: если в 1940-х гг. только 10% молодежи продолжало образование в колледже, то в 1980-х — больше половины, число университетов и колледжей за то же время удвоилось. В них пришли те, кто прежде обходился и без высшего образования, и без публичного голоса, — цветное и женское население. В итоге наблюдается (в формулировке Макгурла) «институционализация антиинституциональности» (Ibid., с. 221) и сопровождающий ее парадокс инкубаторского взращивания «неповторимых голосов». Культ озабоченности собой, личным творческим потенциалом прекрасно сочетается с приоритетами креативной экономики.

Перечитывая книгу Макгурла через десяток лет после ее первого — восхищенного! — прочтения, *Катрин Робертс* (Гронингенский университет) спрашивает себя (и нас): не идет ли сегодня на смену «эре программ» — «эра платформ»? Университеты «все менее различимы на фоне медиаландшафтов глобализации» (с. 78) и все более озабочены производством контента для широкого сетевого распространения, а не пестованием автономно-неповторимых «я». Поэтому по-новому выразительной кажется кольцевая композиция книги Макгурла: она заканчивается там же и так же, где и как начиналась, — «на нотах любви и сарказма, озабоченности и иронии, на смешении чувств, которое характеризует субъекта, взращиваемого институцией: он и тяготеет принадлежностью системе, и лишен способности или желания от нее освободиться» («part of the system but unable or unwilling to leave» (с. 68)).

Мария Сулимма (Франкфуртский университет им. Гёте) в диалоге с книгой Клэр Хеммингс «Чем и как важны истории» (2011) тоже пытается подвести промежуточный итог борениям последнего полувека. Как следует из подзаголовка, в книге предлагается «политическая грамматика феминистической теории». Исследовав большой корпус статей соответствующей направленности в ведущих теоретических журналах, Хеммингс обнажает стихийно складывающийся в них трехчастный нарратив. Первая его часть описывает поступательное развитие новой области знания в 1970—1980-х гг. — все дальше от простодушных постановок «женского вопроса», все глубже в тонкости различения гендерных идентификаций. Вторая часть повествует о последовавшей в 1990-х печальной самопотере, об утратах, понесенных вследствие увлечения языковыми играми, постструктуралистским теоретизированием. Триумф феминизма в академической среде, констатирует Хеммингс, обернулся упадком общественного интереса к нему. Тому способствовала нещадная эксплуатация феминистической идеологии как канала, по которому просветительское влияние свободного Запада распространялось на недоосвобожденный мир. Страсть женщин к свободе была по сути «украдена неолиберальным капиталистическим рынком» (с. 139), а поскольку реальные проблемы женщин по-прежнему, притом повсюду далеки от разрешения, пришло время «спасать» феминизм. Третья часть нарратива, по Хеммингс, — о формах возрождения феминистической мысли в начале нового века: теперь в ней меньше боевитости и больше серьезности. Традиционный сюжет размещал в центре внимания женщину-жертву и/или воительницу, героиню мелодрамы. Почему бы не представить ее/себя в виде персонажа второстепенного, зато включенного в сложную сеть отношений? Почему бы не отчистить иконы феминизма от уже наведенного на них хрестоматийного глянца? Перспективнее всего в поиске Хеммингс, обобщает Сулимма, стремление «заново увидеть ландшафт феминистической теории, уйдя от жесткой определенности и отказавшись от чувства надежности и безопасности, с определенностью сопряженных» (с. 140).

Мысль о насущности «аффективно-материального поворота» в теории культуры (в том числе одушевленной пафосом феминизма) подхватывает *Катя Канцлер* (Лейпцигский университет), размышляя над книгой Робин Уорхол «Поплакать всласть» (2003). Автор статьи, как и автор книги, питает живой интерес к «эпистемической продуктивности чувств» (с. 146). Обоих же интересует работа со вторичными, социально сконструированными чувствами, которые мы склонны снисходительно называть «сентиментами», — пренебрегать ими не стоит хотя бы потому, что именно они масштабно эксплуатируются коммерчески и политически. Книга Уорхол, согласно выводу Канцлер, ценна тем, что учит гибко менять дистанцию — рассматривать «сентиментальный» текст то с позиции отстраненного аналитика, то с фанатской позиции (aca-fan), которую едва ли можно считать наивной. Восприятие популярной культуры самой широкой аудиторией сопровождается, как правило, противоречивым переживанием «виноватого наслаждения» — чередованием самозабвенной эмпатии и критического скепсиса. С другой стороны, теоретическое многознание, умение проследить семиотическую цепочку, соединяющую, например, стройность, сексуальность, качественный досуг и покупательную способность, отнюдь не гарантирует свободы от невидимых оков.

И вот мы добрались, наконец, до книги Лорен Берлант, чье имя особенно тесно ассоциируется с исследованиями популярной культуры, чувства, аффекта, сентимента⁹ и чья книга «Жестокий оптимизм» (2011) оказалась едва ли не «самой ци-

9 См.: *Berlant L. The Anatomy of National Fantasy: Hawthorne, Utopia, and Everyday Life. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1991; Eadem. The Female Complaint: The Unfinished Business of Sentimentality in American Culture. Durham; L.: Duke University Press, 2008.*

тируемой в англоязычной теории после 2011 г.» (с. 161). Кратчайшим образом основную идею книги можно сформулировать так. Большинство людей желает себе счастья или «хорошей жизни» (good life); это желание-устремление сообщает существованию смысл, притом что смысл чаще всего неконкретен, переживаем как аффект «близости к чему бы то ни было, где бы то ни было» (proximity to a *what-ever, wherever* (Berlant, с. 63)). Американское представление о «хорошей жизни» предполагает исполнение четырех важнейших условий: успех или повышение социального статуса; обеспеченность (в частности, работой) и безопасность; политическое и социальное равенство; прочность и глубина личных связей. Эти условия в ситуации нарастающей подвижности, текучести, рискованности, неопределенности (всего того, что передается английским словом 'precariousness', от которого уже произведена уродливая калька: «прекаризация») оказываются неосуществимы. В результате — тупик, блок воображения, «смесь из ощущений поражения, тревоги, изумления, оцепенения» (Ibid., с. 204) и квазиспасительная преданность «жесточкому оптимизму». Жесточким оптимизмом Барлант называет парадоксальное отношение к жизни, которое возникает, когда желаемое субъектом препятствует его же устремлению к воображаемой «хорошести».

Концепцию Берлант анализируют *Сэмюэл Зипп* (Брауновский университет) в статье «Структуры тупика» и *Франк Келлетер* (Свободный университет Берлина) в статье «Стиль под давлением». С разных сторон они подходят к вопросу о том, как вести себя теоретика и критику культуры в условиях «обрушения коллективных инфраструктур» (Ibid., с. 154). В ситуации, когда социальная дистанцированность и конфликтность становятся «повседневным алгоритмом коллективной жизни» (Ibid., с. 195), можно понять желание интеллектуала приблизиться к обычной жизни. Но как отважиться на самокритическое признание собственной конформности, собственной непреодолимой зависимости от системы отношений, тобою же обличаемой? Перечисляя болезненные шоки, с которыми пришлось столкнуться мыслящему человеку в Америке первых десятилетий XXI в., Зипп один из этих шоков обозначает (на с. 192) обрывком фразы, которую англоязычный читатель с легкостью опознает. Это слова из газетной публикации 2004 г., приписанные журналистом Ронем Зускиндром республиканскому лоббисту, советнику президента Буша Карлу Роуву. Роув сказал интервьюеру (позже не подтвердил, что сказал, но это не мешает словам жить самостоятельной жизнью: видимо, они задели в общественном сознании большой нерв) следующее: «Люди как вы все еще живут в обществе, основанном, как привыкли говорить, на реальности. Вы верите, что решения возникают из тщательного изучения наблюдаемой жизни. Но мир живет уже по другим правилам. Мы теперь империя, и поскольку мы действуем мы создаем нашу собственную реальность. И пока вы эту реальность изучаете сколько угодно тщательно, мы действуем дальше, создаем другие, новые ее образцы, которые вы вольны опять-таки изучать, — так оно и идет. Мы в истории действуем... а вам, вам всем, остается изучать сделанное нами»¹⁰.

Не только Зиппа занимают и тревожат «мы» и «вы» в этой оговорке политика. Келлетер подхватывает вопрошание: «мы», зарабатывающие на жизнь размышлением, обязанные объяснять остальным природу переживаемого совместно, — хорошо ли мы справляемся с этой задачей? Основную заслугу книги Берлант, в некотором смысле образцового американского интеллектуала, Келлетер усматривает даже не в богатстве и точности развиваемого ею тезиса, а в точно найденной сти-

10 *Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush // The New York Times Magazine. 2004. Oct. 17* (<https://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/faith-certainty-and-the-presidency-of-george-w-bush.html>).

листочке письма, в сложности интонации, в качестве «голоса». Этот автор изо всех сил старается не попасть в ловушку высокомерной самоудовлетворенности, самоотчуждения от отсталых «других», — тех, кто негативность критического дискурса воспринимает как раздражитель, плод недоступных им социальных привилегий. Сравнивая манеру Берлант с манерой позднего Адорно, Келлетер полагает главной ценностью той и другой «рефлексию “поврежденной” жизни, которая несет помощь, не предоставляя помощи, и, будучи безутешна, не впадает в нигилизм» (с. 187).

Теоретический анализ Берлант дополняется представленным в сборнике ярким дуэтом социологов-практиков. Это книги «Чужаки в родной земле» Арли Рассел Хохшилд и «Выселены за неуплату» Мэтью Десмонда (обе — 2016). Первая — итог продолжительного включенного наблюдения жизни малообеспеченных домохозяйств в «красных», то есть республиканских, штатах. Но не только наблюдений — еще и усилий выстроить между собой и «чужаками» мост эмпатии, который не исключал бы трезвого анализа, а делал его возможным. Почему этих людей удручает то, что радует «таких, как мы»? И по каким вообще «правилам чувствования» (feeling rules) они живут? Жизнеощущение исследуемого «контингента» резюмируется в развернутой метафоре: «Мы терпеливо, как какие-нибудь паломники, стоим в длинной очереди, которая тянется в гору. Мы где-то посередине и нас много, — белые, есть кто постарше, христиане, в основном мужчины, с высшим образованием или без... Те, кто стоит за нами, — больше цветные, бедные, молодые и старье, в колледже почти никто не учился. Оглядываться на них боязно, вон их сколько, хотя, в общем, никто из нас не желает им зла» (с. 136). Но то ли за гребнем холма что-то пошло не так, то ли по какой другой непонятной причине — очередь не движется. Реакция усталых, раздраженных людей на тех, кто, с их точки зрения, пытается «пролезть вперед», все острее и все менее адекватна. «Ты-то соблюдаешь правила, а они нет, и получается, что тебя то и дело теснят назад. А кто такие? Черные, женщины, иммигранты, беженцы... которым положены всякие преференции и всякие планы федеральной поддержки, стипендии, рабочие места, выплаты и бесплатная еда. Тебе-то в свое время ничего такого не досталось» (с. 137).

В диалог с Хохшилд вступает *Йоганнес Вёльц* (Франкфуртский университет им. Гёте) в статье с выразительным названием «Поляризация и пределы эмпатии». Попытку американского социолога вчувствоваться в зависть, ревность, фрустрацию «правых слоев» немецкий культуролог воспринимает критически. Эффективна ли эмпатия, направляемая на инфантильные социальные реакции, которые не назовешь иначе, как проявлениями «ложного сознания»? Не напрасен ли огромный труд по сбору и анализу 5000 страниц интервью? Того же (довольно предсказуемого) результата можно было достичь, поработав с контентом какого-нибудь из идеологизированных медиа, например «Фокс-ньюс». Между тем социологу мало понять, что именно почитают за истину его информанты, мало встать на их сторону и в их позицию, ее задача — сделать видимыми невидимые для большинства людей социальные силы. Приятельствуя с пролетариями из Луизианы, профессор Беркли не становится для них своей, зато лишает себя возможности использовать эффект аналитического дистанцирования. Помогают ли такие штудии понять природу социальной поляризации и преодолеть ее? Или взаимное непонимание только усиливается, поскольку стороны склоняются к стереотипизации, упрощенному видению друг друга?

В книге Десмонда, как и в книге Хохшилд, исследуется невидимая бедность в Америке, прозябание полубездомных семей, мыкающихся между трейлерами и съемными квартирами. И в этом случае полевая работа предполагала глубокое погружение — жизнь в трейлере на протяжении нескольких месяцев, уподобление исследуемым вплоть до того, что «начинаешь сам двигаться как они, гово-

речь как они, думать как они и чувствовать похожим на их образом» (Desmond, с. 430). Социально-этнографическому описанию предпосылается выразительное уведомление от автора: «Это не художественное произведение. Описанное в книге происходило с мая 2008 г. по декабрь 2009-го» (Ibid., с. XIX). Происходившее засвидетельствовано множеством записей и документов. Но это не мешает любопытствующему читателю погружаться в текст, как в роман: книга Десмонда не уступает роману Диккенса. С этим щедрым сравнением от *Александра Старра* (Свободный университет Берлина) я готова, пожалуй, согласиться, и дело вовсе не в толщине книги. Перед нами неотразимо увлекательное, многосюжетное повествование, в котором участвует множество персонажей и множество институций (приюты, школы, суды и т.д.), — прекрасная иллюстрация того, как формы художественного письма могут при искусном и талантливом использовании служить пониманию форм социальной жизни.

Нечто подобное удастся, кажется, и антропологу Анне Цинг, автору книги «Гриб на границе мира» (2015), — ей посвящена статья «Грибная бесконечность» *Кристофа Риббата* (Падерборнский университет). Это очень подходящий тандем для завершения нашего обзора, подразумевающий сразу все, о чем уже говорилось выше: разносторонность описаний социальной жизни — от анархичной лесной жизни грибников в Орегоне до цепочки сбыта, протянувшейся в транснациональное пространство; междисциплинарность; интерес к материальности (вкус «основного гриба» таков, что японские гурманы готовы платить за него огромные деньги); наконец, изящество и точность литературного письма (перед нами «Уолден XXI в.» (с. 120)). Гриб мацутакэ живет в симбиозе с корнями растений, нередко помогая им выжить в условиях, которые стараниями человека сделаны невыносимыми, — он, между прочим, первым пророс на месте ядерной бомбардировки в Хиросиме. В некотором смысле гриб преподает урок «о возможности жизни на руинах капитализма» (это подзаголовок книги Цинг), когда «у нас нет иного выбора, кроме как искать жизнь среди развалин» (Tsing, с. 6). Минималистическому («жестокому»?) оптимизму Цинг ее коллега Риббат явно сочувствует: «...вы заканчиваете читать, смутно чувствуя, что стали чуть лучше и чуть счастливее, чем были прежде, что на “развалинах капитализма” сохраняется все же крошечный шанс выжить» (с. 122).

В заключение стоит еще раз привлечь внимание читателя к фразе одного из двух инициаторов проекта, Франка Келлетера, — приведенной выше в качестве эпиграфа. Каково, в самом деле, писать о кризисе настолько масштабном, что исчезает самая платформа, с которой можно вынести о нем критическое суждение? Каково писать о нестабильности бесконечно распадающейся системы, об атмосфере небезопасной, испорченной, в которой мы тем не менее дышим? Писать — трудно. Увидит ли свет второй том рецензируемого издания — неизвестно. Но больше нам писать и думать неоткуда, так что не писать нельзя.